

УДК 94(470.67) «16/17»

НАРОДЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ РОССИИ С ШАХСКИМ ИРАНОМ И СУЛТАНСКОЙ ТУРЦИЕЙ (КОНЕЦ 60-х – 90-е гг. XVII в.)

Д. С. Кидирниязов

Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН

В статье на основе анализа широкого круга документальных материалов и научной литературы освещается роль северокавказских народов в русско-персидских и русско-османских отношениях рассматриваемого периода. Раскрываются стратегические замыслы османской Порты, шахского Ирана и царской России в отношении Северного Кавказа, анализируются методы их реализации. Кроме того, немалое внимание уделено освободительной борьбе местных народов, выявлению факторов, определявших ориентацию населения края на Российское государство.

On the basis of the scrupulous analysis of the wide range of documentary materials and scientific literature, the article highlights the role of the North Caucasian peoples in the Russian-Persian and Russian-Ottoman relations in the period reviewed. The strategic plans of the Ottoman Porte, Shah's Iran and Tsarist Russia are disclosed with respect to the North Caucasus. Methods for their implementation are being analyzed. Much attention is also paid to the liberation struggle of the locals; to identification of the factors that determine Russian orientation of the region population.

Ключевые слова: Россия, Иран, Турция, Кавказ, Крым, народы, внешняя политика, борьба, влияние, крестьянская война.

Keywords: Russia, Iran, Turkey, Caucasus, Crimea, peoples, foreign policy, struggle, influence; peasant war.

В рассматриваемое время внешнеполитическая деятельность российского правительства на Северном Кавказе осуществлялась традиционными методами. Отношения с местными владельцами строились путем выдачи жалованья и ценных подарков в обмен на заверения о признании подданства России.

В конце 60 – начале 70-х гг. основным фактором, определившим ход политических событий вокруг Северного Кавказа, стала Крестьянская война во главе со Степаном Разиным. Крестьянское выступление в России затронуло территорию Украины, Дона, Северного Кавказа, Прикаспия и Поволжья.

Следует отметить, что Крестьянская война 1667–1671 гг. под предводительством С. Разина имела широкий международный резонанс, привлекла внимание европейской и восточной дипломатии к событиям на юге России и в пограничных с ней районах.

Эти походы донских казаков на территорию османов, крымских татар и ногайцев носили в основном традиционный характер и в свое время даже поощрялись российскими властями. Выходцы «из Азова и из Ногаю» пугали донцов, что «одноконечно будет крымский хан со всем собранием и с турскими людьми», придет «к ним на Дон и под горотки» [1, с. 166–167]. Так, еще до начала Крестьянской войны, в 1661 и 1662 гг. во время переговоров с калмыцкими тайшами донские казаки получили союзника в лице калмыков, враждебно настроенных к Малому Ногаю [2, с. 104]. Из российской столицы была прислана царская грамота с одобрением договора, за-

ключенного с калмыцкими тайшами [2, с. 104]. На этот раз меры турецко-крымских властей по укреплению своих границ и запрет российского правительства на организацию походов усугубили и без того тяжелое положение беднейшей части населения Дона [3, с. 157].

Необходимо указать, что недовольство донских казаков приняло активные формы, и в 1667 г. набег донцов «за зипунами» обрушился не только на российскую территорию, но и земли других стран и даже Персии.

Весной 1667 г. отряды донцов и беглых людей во главе со Степаном Разиным двинулись с Дона на Волгу, спустились к Каспийскому морю и затем достигли Яицкого города в устье р. Яик (Урал). Затем после зимовки здесь, весной следующего года донские казаки двинулись к западному берегу Каспия, грабя на пути персидские торговые суда, позже, высадившись в устье р. Терек, разгромили, «татарский улус» находившийся около Терского города [4, с. 168].

Между тем в 1668 г. по инициативе кабардинского князя Касбулата Черкасского было решено перенести крепость Терки на новое место под названием «Копань», недалеко от старого, как явствует из документа: «Место, где рыли канал из протока реки Терека к Терскому городу» [5, с. 328]. Предложение адыгского владетеля было поддержано российским правительством, и вскоре терский воевода князь П. Прозоровский получил царский указ, где в частности отмечалось, что «Терский город со всяким городовым строением перенести на новое место на Копань и устроить город и всякие городовые крепости на Копани... на весне» [5, с. 328].

Окончательный перенос Терского города был завершён к намеченному сроку, то есть к весне 1669 г.

Между тем размах и распространение Крестьянской войны во главе С. Разиным охватили многие регионы России. Кроме того, руководитель восстания и его сподвижники вступили в отношения с правительствами Ирана, Турции, Северного Кавказа и др. [6, т. 1, с. 111–112; т. 2, с. 95, 100–101; т. 3, с. 54–55].

В грамоте из Приказа Казанского дворца от 29 июля 1667 г. астраханскому воеводе И. Хилкову отмечалось, что еще до 20 июля у военного отряда, высланного из Астрахани против войск С. Разина, произошел бой с повстанцами, последние одержали победу и «вошли в Яицкий городок», а царские войска вернулись обратно в Астрахань [7, с. 172–173].

Овладев Астраханью, повстанцы добивались подчинения своей власти равнинной зоны между Волгой, Доном и всех «низовых» городов, в том числе Терского города. В Терский город бежали многие русские офицеры, купцы из Астрахани [8, с. 379]. Главной стороной деятельности сподвижников С. Разина были его атаманы. Так, в результате посылки по распоряжению атамана Василия Уса в Терки группы казаков там произошло восстание. Терцы свергли воеводу и держали его «за караулом». Кроме того, чтобы склонить на сторону повстанцев или добиться нейтралитета, руководители Крестьянской войны вели переговоры с ногайцами, крымскими татарами и калмыками [9, с. 135].

Нужно указать, что необходимость овладения Терским городом объяснялась и тем, что многочисленные ногайские подразделения, которые находились под Астраханью, начали переселяться к Тереку и Азову: «А что де кочевые татаровя были под Астрахань, и те все татаровя пошли к Тереку». Кроме того, часть ногайцев переселилась к Азову, под покровительство Порты. Российские власти вынуждены были на этот раз положительно воспринять этот переход ногайцев [10, с. 103].

Необходимо отметить, что во время Крестьянской войны под руководством С. Разина часть ногайцев, численностью до 15 тыс. семей вынуждена была бежать из калмыцких улусов под Астрахань, но на них напали ногайцы Малого Ногай и увели с собой на Кубань, в подданство Крымского ханства. В ответ на это калмыцкий тайша Аюка двинулся со своим войском через Большую Кабарду к верховьям Кубани, разгромил улусы Малого Ногай, а бежавших из Нижнего Поволжья ногайцев увел обратно на Волгу [11, с. 87–88].

Зимой 1671 г. около 15 тыс. семей едисанских ногайцев под давлением калмыков-ойратов вновь переселились к Астрахани. Возможно, это были те ногайцы, с которыми руководитель повстанцев С. Разин заключил в сентябре 1670 г. дружественный договор [12, с. 95, 100–101].

Между тем вмешался Бахчисарай. По указу крымского хана ногайский мурза Ямгурчи, живший со своим владением на Тереке, весной 1671 г. с «горскими чеченами и крымцами пошел под Астрахань и напал на тех дже-тысанских татар». Вскоре едисанцы были вновь уведены на Кубань [13, с. 382].

Следует отметить, что с вступлением российских войск в Астрахань 27 ноября 1671 г. Крестьянская война под руководством С. Разина по существу закончилась. Еще ранее, в апреле 1671 г. последние сторонники С. Разина, засевшие на Дону и Кагальнике, потерпели поражение, а сам руководитель повстанцев был выдан царским властям и 6 июня 1671 г. был казнен [14, с. 120].

Порта и ее вассал Крымское ханство в период волжско-каспийских походов С. Разина и Крестьянской войны в России выражали серьезное беспокойство. Еще весной 1667 г., когда С. Разин стал собирать на Дону казаков с целью организовать большой поход «за зипунами», первыми забили тревогу османские пограничные власти. Кроме того, в мае 1667 г., до выступления С. Разина в поход, жители Азова стали выражать «опасенье большое», так как активно велись разговоры о набеге на пределы Порты [15, с. 168].

В октябре 1670 г. крымские послы в Москве, в Посольском приказе сообщили о враждебном отношении крымцев к повстанцам и о намерении Крыма соблюдать мир с Россией. В одном из посланий к царю Алексею Михайловичу крымский хан предложил свою помощь в борьбе с повстанцами, утверждая, что «ханово величество усмирит их вскоре» [15, с. 82].

А с другой стороны, в 1671 г. Бахчисарай, зная, что С. Разин «обсылаетца с азовским пашою и с ногайскими мурзами», и видя, какие выгоды несет Крестьянская война для наступательной политики османов и крымцев и ожидая обращения к себе от руководителя повстанцев, приготовился оказать С. Разину покровительство «и нам им отказать от себя нельзя» [16, т. 2, ч. 2, с. 114, 116–117]. Правитель Крыма Адиль-Гирей также знал, что астраханские ногайцы и татары уже присоединились к повстанцам и ждал момента совместно с разинцами, ногайцами и татарами пойти «на Московское царство войною» [16, с. 82].

Необходимо указать, что воплотить эти замыслы в реальность было невозможно, поэтому подобные сообщения не вызвали особой тревоги российских властей.

Между тем консолидация действий правительств Речи Посполитой и России против Крестьянской войны во главе с Разиным наблюдается в сношениях этих государств с правителями других стран. Так, посол Речи Посполитой Богдан Гурдзецкий, будучи в Иране, всячески старался опровергать слухи, что донские казаки вышли на Каспийское море с ведома российского государя [17, с. 377].

Во время переговоров в Москве с крымскими послами в октябре 1670 г. Сефер-ага и Мустафа-ага первыми предложили помощь крымцев в борьбе с повстанцами при условии немедленной посылки «поминок» крымскому хану и придворным [17, с. 377].

При этом с Бахчисараем Москва была более осторожной, чем с поляками, и не настаивала на немедленных военных действиях. Так, Д. Хомякову, отправленному в апреле 1671 г. к крымскому хану, предписывалось (в случае, если крымцы предложат помощь) отвечать, что в случае необходимости будет направлена Крыму соответствующая государева грамота [18, с. 57]. Эта осторожная политика российского правительства объяснялась непрочностью недавно заключенного мирного договора с Крымом и специфичностью помощи крымцев, больше похожей на грабеж, и тем, что еще в 1668 г. крымские войска с украинским атаманом Дорошенко причинили немало хлопот российским воеводам на Украине. Кроме того, сказалось и давнее стремление крымцев подчинить себе приграничные украинские земли [19, с. 112–113].

Отметим, что направление похода донских казаков против Порты и Крыма было на руку Москве, которая после Андрусовского перемирия 1667 г. старалась вместе с королем Речи Посполитой поставить заслон османско-крымской агрессии. Однако С. Разин повел свои отряды на Волгу и Каспий.

Между тем в начале 1672 г. крымский хан Селим-Гирей появляется в Кабарде и добивается признания своего вассалитета. Крымскому хану выдали 50 адыгских и 7 ногайских аманатов из знатных фамилий [20, с. 31].

Ногайский мурза Каракасай при поддержке крымцев, пользуясь отсутствием в Терском городе отрядов К. Черкасского, действовавшего в Астрахани против повстанцев, летом 1672 г. напал на его владения и фактически

держал Терки в осадном положении, «за город вытти не мочно» [21, с. 47]. Возможно, что причиной нападения на владения кабардинского князя стало то, что К. Черкасский поддержал калмыцкого тайшу Аюку, который, пройдя со своим войском через Большую Кабарду, поднялся к верховьям Кубани, по пути разгромил некоторые владения Малого Ногай и бежавших из-под Астрахани ногайцев увел обратно с собой на Волгу [22, с. 152].

Все эти успешные действия крымцев и ногайцев в регионе можно объяснить тем, что в этот период юг России был отрезан Крестьянской войной под руководством С. Разина, и российское правительство не могло проявлять на Северном Кавказе активное свое присутствие. Только в 1672 г. Бахчисарай получил послание из Москвы с упреками за поход на Кабарду и военные операции на Тереке.

В ответ на претензии российского правительства крымский хан отвечал, что «черкасы и ногайцы искони до нынешнего дня под нашим повелением, наши подданные» [23, с. 339–340].

Летом 1673 г. адыгский князь Касбулат Черкасский вместе с калмыцким тайшой Аюкой и объединенным войском, состоявшим из терских служилых горцев и калмыков пошли «на горского владельца на Чеполава да на ногайского Каракасая мурзу... и в том походе у тех мурз многих людей побили и животинные стада отогнали» [24, с. 248]. Эти действия можно рассматривать как наказание российскими властями местных владетелей, осмелившихся посягнуть на безопасность русской крепости на Тереке.

Между тем в 1673 г. в Большой Кабарде с новой силой вспыхивает междоусобица. Сторонники османо-крымской ориентации мстили за разорение своего ближайшего союзника ногайского владетеля Каракасая. В ответ воинские силы ногайского мурзы организовано напали на владения Касбулата Черкасского, в результате чего последние были разорены [24, с. 155].

Если в 1672–1673 гг. адыгский князь Касбулат Черкасский и калмыцкий правитель Аюка действовали в степях Крымского полуострова, то в конце лета 1674 г. они договорились с объединенным терско-калмыцким войском выступить против турецкой крепости Азов. Объединенное терско-калмыцкое войско, проведя успешные военные операции под Азовом, вплоть до разгрома его пригородов, отошли к Черкасску, столице донского казачества [25, с. 335–337, 344].

Между тем в 1672 г. Порта нанесла поражение Речи Посполитой, и с этого времени основной задачей внешней политики России становится борьба с султанской Турцией. А после перехода украинского гетмана Дорошенко в подданство османской Порты султан заявил о своих претензиях на всю Украину [26, с. 112–113].

Летом 1674 г. по указанию из Посольского приказа Касбулат Черкасский занялся организацией похода в Приазовье. Тайша Аюка выделил под командование адыгского князя 7 тыс. воинов-калмыков [27, с. 337]. Следует отметить, что в военной экспедиции участвовали, кроме кабар-

динцев и калмыков, также и донцы численностью 3 тыс. человек [28, л. 184]. Этот совместный поход для них был успешным [28, л. 182].

Идеи покорения Северного Кавказа, и в частности Дагестана, оставались в последней трети XVII в. в центре политики иранского шаха Сулеймана (1667–1694 гг.), хотя при нем Персия переживала период упадка и не могла вести активную завоевательную политику. Шах Сулейман пытался подчинить своей власти эндиреевского князя Чепалава. Кроме того, шах попытался отстранить от власти тарковского шамхала Будая и посадить на престол Гирея [29, с. 295–297]. Сулейман собирался даже послать в Тарки свои войска на помощь претенденту на престол Гирею, а затем построить крепость на р. Койсу.

Разместив в крепости свой гарнизон, шах собирался покончить с независимостью владетелей приморской зоны Дагестана. Кроме того, с постройкой крепости на Койсу шахский Иран пытался создать заслон на пути проникновения влияния Москвы на Дагестан. Российские власти потребовали от шаха Сулеймана отказаться от строительства военного укрепления на р. Койсу, так как это «искони царская земля» [30, л. 2–3].

Следует отметить, что иранский правитель Сулейман применял и методы подкупа местных владетелей. В 70-е гг. XVII в. при шахе многие правители, в том числе и аварский нуцал Умма-хан, получали денежное жалование от него [31, с. 401].

При этом тарковские шамхалы лишь формально признавали верховенство персидского правителя. Кайтагский уцмий и табасаранский майсум не были согласны даже на такое признание покорности, поэтому в 1684 г. шах организовал поход в Кайтаг и Табасаран. В результате этой военной экспедиции погибло немало местного населения. Возможно, этот поход персов не принес желаемых результатов шаху, поэтому он приказал в 1687 г. вновь организовать наступление на Кайтаг [32, с. 275]. Через два года, в 1689 г. персидский шах вновь вмешался в внутрикайтагские дела, поддержав своего претендента на уцмийство Гусейн-хана, воспитывавшегося до совершеннолетия в Иране. Сначала шах Сулейман назначил его правителем Кубы. Затем Гусейн-хан собрал в Кубе большое войско, вторгся в Кайтагское уцмийство и овладел Башлами. Однако кайтагский уцмий Али-Султан, собрав крупный отряд численностью 30 тыс. человек из различных владений Дагестана, вытеснил Гусейн-хана обратно в Кубу, где он впоследствии и умер [33, с. 123].

Таким образом, попытки персидского шаха Сулеймана подчинить себе дагестанских правителей не увенчались успехом. Иранскому шаху не удалось сделать никаких территориальных приобретений в регионе.

В 1676 г. российские власти вновь поручают К. Черкасскому двинуться совместно с калмыками к Киеву, на помощь запорожским казакам. Запорожцы в это время вели тяжелые бои против осmano-крымских войск. Объединенный отряд во главе с К. Черкасским, куда входили русские, адыги, ногайцы, калмыки, ингуши, кумыки и др., показал себя грозной силой, наводивший страх на османов и крымцев [34, с. 233].

Между тем в ходе русско-османской войны 1678–1681 гг., летом 1677 г., 100-тысячная султанская армия во главе с Ибрагим-пашой вторглась на территорию Правобережной Украины и осадила в начале августа г. Чигирин. В битве под Чигирином вместе с донскими казаками участвовали и калмыцкие отряды под командованием кабардинского князя Каспулата Муцаловича Черкасского [35, с. 194].

Российско-османская война закончилась подписанием в начале 1681 г. Бахчисарайского договора, по которому турецкий султан признал воссоединение Левобережной Украины и Киева с Россией, а запорожских казаков – российскими подданными [36, с. 355].

Через пять лет, в 1686 г. между Россией и Польшей был подписан «вечный мир», ликвидировавший многолетний конфликт между двумя государствами. После заключения мирного трактата оба государства объединили свои усилия в борьбе против турецко-крымской агрессии. В связи с этим Москва отказалась от мирного договора 1681 г. со Стамбулом.

Таким образом, претензии турецкого султана и крымского хана по дальнейшему усилению своего присутствия на Северном Кавказе были ослаблены, но не прекращены. Например, еще в 1683–1684 гг. 1,5 тыс. адыгов, а также ногайцев и азовцев участвовали в военных действиях крымцев и поляков [37, с. 162], а также в периодически повторяющихся набегах их на южнороссийские пределы [38, с. 198].

Несмотря на определенный успех в завершившейся российско-османской войне, противостояние России и Крыма продолжалось. Немалая часть ногайцев Малого Ногай находилась под влиянием крымцев и поддерживала хана в военных действиях и набегах, осуществляемых в различных направлениях.

Между тем Москва, вступив в антитурецкую коалицию европейских государств, уже в мае 1687 г. отправляет огромную русскую армию в поход на Крымский полуостров, поставив на повестку дня задачу разгрома Крымского ханства [39, с. 163].

Москва и Бахчисарай стали оперативно вербовать себе союзников на Северном Кавказе. Крымский хан обратился к тарковскому шамхалу с призывом участвовать в войне с Россией на его стороне, но получил отказ. Такие же отрицательные ответы были получены крымским ханом и от кабардинских князей [40, с. 200].

После неудачного похода в 1687 г. русской армии под командованием В. Голицына на Крымский полуостров влияние крымского хана несколько возрастает среди северокавказских владетелей. Бахчисарай использовал этот неудачный поход русских войск в своих пропагандистских целях, применяя подкуп, а также угрозы. Это дало некоторые результаты. Так, в 1689 г. во время очередного похода В. Голицына на Крым один из царевичей дома Гиреев привел на помощь хану Селим-Гирею с Северного Кавказа около 50 тыс. кумыков, адыгов и ногайцев [41, с. 623]. Этот факт свидетельствует о том, что определенные неудачи России во время первого похода на крымцев подорвали престиж Москвы среди северокавказских народов. Необ-

ходимо также указать, что и во втором походе русских на полуостров участвовало мало людей из местных народов [42, с. 164].

Следует подчеркнуть, что поддерживая крымского хана во время двух походов русских войск, северокавказские народы не всегда были заодно с крымцами. Например, когда в 1691 г. правитель Крыма двинул свои войска в Венгрию, то «они (крымцы. – Д.К.) заодно с ногаями, черкасами и кумыками согласились не оказывать ему (хану. – Д.К.) повиновения и послушания» [43, с. 633]. Все эти факты свидетельствовали о том, что влияние османов и крымцев среди северокавказских народов было шатким и в зависимости от международного положения оно то усиливалось, то ослабевало. Это проявлялось и по отношению к России.

Преемник иранского правителя Сулеймана-Султан-Гусейн (1694–1722) также пытался подчинить своей власти дагестанских правителей посылкой к ним своих грамот и жалованья [44, с. 402].

В 1696 г. иранский шах поддержал претендента на уцмийство сына Гусейн-хана – Ахмед-хана. Последнему удалось с помощью кубинцев и своих сторонников в Кайтаге овладеть с. Башлы и вытеснить оттуда уцмия Эмир-Гамзу в Верхний Кайтаг и провозгласить себя правителем Кайтага. Однако Ахмед-хан правил здесь недолго. Вскоре он был вытеснен из Кайтага сыном Улуга Ахмат-ханом, проводившим независимую от персидского шаха политику. Успех Ахмат-хана можно объяснить всеобщей поддержкой его кайтагцами, не желавшими подчинения ставленнику шаха Ахмед-хану [44, с. 402].

Следует отметить, что в течение всего XVII в. войска персидских правителей не раз вторгались на Северный Кавказа, в частности в Дагестан, с целью утверждения своей власти в регионе. Однако все эти военные мероприятия закончились безуспешно, поскольку местные народы оказывали персам решительный отпор. Немалую роль в сохранении народами региона независимости от персидских завоевателей сыграло и умелое использование северокавказскими владетелями персидско-российских и персидско-османских противоречий.

В конце XVII в. Россия в целях обеспечения безопасности южных границ предприняла несколько попыток выйти к Черному морю. Первый поход на Крымское ханство был осуществлен в 1687 г. во главе с кн. В.В. Голицыным. После этого неудачного похода кн. Голицын в сентябре 1688 г. стал готовиться к новому выступлению на Крым. Российская армия под командованием кн. В.В. Голицыным, выступив в мае 1689 г. в поход, потерпела неудачу, дойдя до Перекопа [45, с. 255].

Однако первый поход царя Петра I на Азов состоялся только в 1695 г. Наступление российских войск было отбито. Между тем взятие крепости Азов имело стратегическое значение для дальнейшего продвижения России к Черному морю.

Второй раз российские войска держали Азов в осаде с мая 1696 г. и только 16 июля взяли крепость. При взятии Азова в составе Донского войска под командование А.С. Шеина участвовали и калмыки.

Таким образом, пал северный оплот владений Порты, плацдарм для султанских вторжений на Дон, Северный Кавказ и Украину.

Падение Азова лишало османов важной стратегической позиции в Восточной Европе, угрожало связям султанской метрополии с Северо-Западным Кавказом и местными народами [46, с.51].

В ходе борьбы за независимость от иноземных завоевателей народы Северного Кавказа продемонстрировали решимость бороться всеми доступными средствами и способами, начиная от дипломатической формы и кончая вооруженными выступлениями. Народы Северного Кавказа всегда демонстрировали готовность к взаимовыручке и взаимопомощи при организации отпора вторгшимся на их территорию завоевателям. Это и было залогом сохранения ими независимости в сложнейших условиях борьбы между Ираном, Турцией и Россией за господство на Северном Кавказе.

Таким образом, народы Северного Кавказа в международных отношениях всего XVII столетия с различной степенью усилий и в разнообразных формах (от нейтралитета до непосредственного участия) оказывали воздействие на текущие исторические события: прямо или опосредованно. Внешняя политика России, Ирана, Турции и ее вассала – Крымского ханства, особенно касавшаяся Северного Кавказа, обязательно была вынуждена учитывать позицию местных народов.

В целом народам региона приходилось в упорной борьбе отстаивать свою политическую независимость от великих держав, стремившихся утвердить свое господство над народами Северного Кавказа. В этой борьбе у местных народов формировалось понимание единства и общности их исторических судеб, сотрудничества и взаимопомощи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв.: проблемы, поиски, решения М., 1974. 448 с.
2. Смирнов И.И., Маньков А.Г., Подъяпольская Е.П., Мавродин В.В. Крестьянские войны России XVII–XVIII вв. М.; Л., 1966. 328 с.
3. Пронштейн А.П., Минников Н.А. Крестьянские войны в России XVII–XVIII веков и донское казачество. Ростов /н/Д, 1983. 420 с.
4. Абдусаламов М.-Л.Б. Кумыкские государственные образования в стратегических планах России на Северном Кавказе в XVII – первой четверти XVIII в. М., 2017. 264 с.
5. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. (далее – КРО) : в 2 т. М., 1957. Т. 1. 478 с.
6. Крестьянская война под предводительством С. Разина : сб. док. М., 1954. Т. 1. 323 с.; 1959. Т. 2, ч. 2. 342 с.; 1962. Т. 3. 490 с.
7. Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв.
8. Крестьянская война под предводительством С. Разина. Т. 3.
9. Смирнов И.И., Маньков А.Г., Подъяпольская Е.П., Мавродин В.В. Указ. соч.
10. Янчевский Н. Колониальная политика на Дону торгового капитала Московского государства в XVI–XVII вв. Ростов н/ Д, 1930. 196 с.

11. *Потто В.А.* Два века Терского казачества. Владикавказ, 1912. Т. 1. 235 с.
12. Крестьянская война под предводительством С. Разина. Т. 2, ч. 2.
13. *Кидирниязов Д.С.* Ногайцы в XV–XVIII вв. (Проблемы политических, экономических и культурных взаимоотношений с сопредельными странами и народами). Махачкала, 2000. 532 с.
14. *Пронштейн А.П., Минников Н.А.* Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. и донское казачество.
15. *Смирнов И.И., Маньков А.Г., Подъяпольская Е.П., Мавродин В.В.* Указ. соч.
16. Крестьянская война под предводительством С. Разина. Т. 2, ч. 2.
17. Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв.
18. Крестьянская война под предводительством С. Разина. Т. 3.
19. *Смирнов Н.А.* Россия и Турция в XVI–XVII вв. М., 1946. Т. 1. 160 с.
20. *Сокуров В.Н.* Из истории взаимоотношений Кабарды и Крыма в конце XVII – начале XVIII веков // Сб. статей по истории Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1976. Вып. 10. С. 30–38.
21. Ногайцы Дагестана и Северного Кавказа (документы XVII–XVIII вв.) / сост. *Д.С. Кидирниязов.* Махачкала, 1998. 122 с.
22. *Ахмадов Я.З.* Очерки политической истории народов Северного Кавказа XVI–XVII вв. Грозный, 1988. 176 с.
23. КРО. Т. 1.
24. *Мальбахов Б.К., Эльмесов А.М.* Средневековая Кабарда. Нальчик, 1994. 252 с.
25. КРО. Т. 1.
26. *Смирнов Н.А.* Россия и Турция в XVI–XVII вв.
27. КРО. Т. 1.
28. РГАДА. Ф. 119. Кн. 3. 1674 г.
29. *Петрушевский И.П.* Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI – нач XIX вв. Л., 1949. 153 с.
30. РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 1. 1674 г.
31. История Дагестана. Т. 1. 2004. 632 с.
32. История Дагестана. Т. 1. 1967. 431 с.
33. *Бакиханов А.К.* Гюлистан-и Ирам. Баку, 1991. 304 с.
34. *Магомаев В.Х., Кидирниязов Д.С.* Ногайцы в северокавказском историческом процессе в XVI – начале XX в. Грозный, 2017. 399 с.
35. *Броневский В.Б.* История Войска Донского, описание Донской земли, Кавказских Минеральных Вод. Ч. 1. СПб., 1834. 324 с.
36. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. 524 с.
37. *Ахмадов Я.З.* Указ. соч.
38. *Лашков Ф.* Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством в XVI и XVII вв. Симферополь, 1891. 206 с.
39. *Ахмадов Я.З.* Указ. соч.
40. *Умаханов М.-С.К.* Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба народов Дагестана в XVII веке. Махачкала, 1973. 251 с.

41. *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII в. СПб., 1887. 772 с.
42. *Ахмадов Я.З.* Указ. соч.
43. *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII в.
44. История Дагестана. Т. 1. 2004.
45. *Шкваров А.Г.* Казачество эпохи Петра Великого. Конец «вольностям» казачьим. СПб., 2012. 416 с.
46. *Максимов К.Н.* Калмыки в составе донского казачества (XVII – середина XX в.). Ростов н/Д, 2016. 576 с.

*Поступила в редакцию 12.02.2018 г.
Принята к печати 26.06.2018 г.*